

УДК 81(42)

Национально-культурные особенности риторики латышского и чешского политического дискурса

Кополовец Надежда Владимировна

лектор Отделения русистики и славистики Факультета гуманитарных наук
Латвийского университета; доктор филологии (Dr. Philol.)
(г. Рига, Латвия)
nadezda.kopolovca@inbox.lv

Ключевые слова: риторика, политический дискурс, латышский язык, чешский язык, политик, политическое выступление

Keywords: rethorics, political discourse, Latvian language, Czech language, politician, political speech

Аннотация: Данное исследование посвящено национально-культурным особенностям риторики латышского и чешского политического дискурса на материале стенограмм выступлений известных политиков Латвии и Чехии. Для субъектов данных политических выступлений характерны такие приемы, как обращение к риторике ностальгии, позиционирование себя во времени и пространстве при помощи самоидентификации, обращение к своей аудитории, использование личных местоимений, национально и культурно маркированных ключевых слов, а также обращение к образам идеальных правителей Латвии и Чехии.

Abstract: This study is devoted to the national-cultural features of the rhetorics of the Latvian and Czech political discourse on the material of transcripts of speeches by well-known politicians from Latvia and Czechia. It is typical for politicians to use such techniques as rhetoric of nostalgia, positioning themselves in time and space using self-identification and addressing for their audience, using personal pronouns, nationally and culturally marked keywords, and also appealing to images of ideal leaders of Latvia and Czechia.

Трудно переоценить роль риторики в современном мире в целом, и в современной политике в частности. Современная риторика – это эффективная, воздействующая, убеждающая коммуникация. Однако, политическому дискурсу, который является объектом нашего исследования, прямое воздействие обычно не свойственно, поскольку может вызвать у адресата протест, поэтому субъекты политической коммуникации (политики) пытаются воздействовать на свою аудиторию косвенно, используя самые разнообразные приемы влияния, манипулирования, обмана и приказа.

В отношении Латвии и Чехии в качестве отправной точки начала новой риторической традиции можно считать период распада коммунистического строя в обеих странах, а также время формирования демократического политического устройства и следующей за ним потребности в новых риторических традициях.

До распада Советского Союза, в составе которого была в том числе Латвийская Социалистическая Республика, и под значительным влиянием которого находилась также Чехословацкая Социалистическая Республика, внешности и риторическим способностям политиков не придавалось большого значения – во-первых, вместо них все писали профессионалы, а, во-вторых, у народа не было возможности свободного выбора политических лидеров [2]. До конца восьмидесятых годов XX века политические тексты, предназначенные для публичных выступлений, были безликими и содержательно сформированными согласно социалистическим канонам, поскольку не было необходимости выделяться из серой партийной массы и привлекать внимание избирателей [3].

После распада Советского Союза концептуально изменилась ситуация как в Латвии (с 1991 года), так и в Чехии (с 1989 года). Аудитория начинает ожидать от политика прямоты, спонтанности, хороших навыков ведения политической полемики и реализации политических действий; для того, чтобы завоевать доверие и симпатию публики, политик должен соответствовать определенным требованиям.

Современный политик должен уметь не только хорошо и красиво говорить, он должен также быть способным переключать языковые коды в соответствии с ситуацией (особенно важен такой навык в Чехии, где общество по сути разговаривает на двух языках – на литературном чешском языке и обиходном чешском языке, который существенно отличается от литературного на всех языковых уровнях, начиная фонетикой, и заканчивая синтаксисом; в подобной ситуации выбор неверного языкового стиля влияет на развитие речевой ситуации и направление коммуникации с аудиторией).

В качестве материала данного исследования послужили стенограммы выступлений латвийских политиков – Иварса Годманиса, Лаймдоты Страуюмы и Валдиса Домбровскиса, среди чешских политиков были выбраны Карел Шварценберг, Мирослава Немцова и Богуслав Сobotка.

Одним из важнейших аспектов создания политических речей является обращение к аудитории и способ подачи текста. С этой точки зрения эффективными риториками можно считать Мирославу Немцову и Иварса Годманиса, частично также Карела Шварценберга. Эти политики всегда позиционируют себя, объясняя, в каком статусе они выступают в той или иной ситуации, стараются как можно конкретнее описать место и время своего выступления. Валдис Домбровскис и Богуслав Сobotка практически сразу приступают к изложению сути своих речей и не тратят

время на самоидентификацию или определение своей аудитории. С одной стороны, это позволяет судить о них, как о деловых и целеустремленных лидерах, с другой стороны такой факт может трактоваться как проявление неуважения к своей аудитории.

Опытные политики намного чаще используют местоимения, в основном это местоимение «мы» и образованные от него формы «наш, наша, наши, нам» – подобная стратегия вызывает в адресате чувство единения с говорящим, свидетельствует о том, что ритор заинтересован в будущем своего народа. Наиболее ярким представителем в использовании данной стратегии является латышский политик Иварс Годманис, в речах которого местоимение «мы» – наиболее часто используемое ключевое слово. Чешский политик Мирослава Немцова очень часто говорит «я», активно пользуясь в этих целях разновременными формами первого лица глагола *být* (быть) – *byla jsem, jsem, budu* и других глаголов, выступающих в речи. Таким образом, М. Немцова подчеркивает свою индивидуальность и некую оторванность от социальной среды. Подобная стратегия необходима для демонстрации ее сравнительно острой политической позиции и желанием противостоять существующей власти, критикуя допущенные ею ошибки. Карел Шварценберг и Валдис Домбровскис активно используют как местоимение «мы», так и местоимение «я», использование которых зависит от того, как политик себя позиционирует в каждом конкретном случае – в качестве члена какой-то социальной среды или в качестве отдельного индивидуума. Богуслав Сobotка избегает использования личных местоимений, повествование обычно идет в безличной форме.

Интересно, что ключевые слова в форме названия собственного государства встречаются только в речах латвийских политиков, чешские политики называют Чехию *naše země* (наша страна), *naše státní* (наше государство). У всех шести политиков в число ключевых слов входят номинации Европа, Европейский союз. Это свидетельствует о ценности данных понятий в обоих политических дискурсах. Вместе с тем, политики практически не выходят за пределы европейского контекста.

В качестве национальных ключевых понятий латышские политики Валдис Домбровский и Лаймдота Страуюма выделяют язык, культуру и образование. В. Домбровский также очень последовательно использует понятие единства, особенно в новогодних обращениях, направленных на повышение сплоченности населения страны. В речах Л. Страуюмы в качестве ключевых понятий выделяются идеи преемственности и командной работы.

Для чешского политического дискурса в целом, и для проанализированных речей релевантны понятия демократии и образованности. Томаша Гарики Масарика называют отцом современной чешской демократии, затем данная номинация переходит к скончавшемуся в 2011 году Вацлаву Гавелу. А

первым отцом чешской демократии считается император Карл IV. Таким образом, понятия демократии и образованности объединяют образы идеальных чешских политиков.

В плане использования прецедентной информации латвийских политиков отличает практически полное отсутствие апелляции к образам идеальных политиков, они концентрируются на «здесь и сейчас», чешские политики, наоборот, охотно вспоминают Карла IV, Т. Г. Масарика и с недавнего времени, также Вацлава Гавела. В свою очередь прецедентные события в речах латвийских и чешских политиков практически одни и те же – это провозглашение независимых государств в начале XX века, события до и после Второй мировой войны и потеря независимости, период коммунистической оккупации, и, наконец, возобновление государственной независимости в Чехии (Чехословакии) в 1989 году и в Латвии в 1991. году.

Карела Шварценберга отличает риторическая особенность – смешение элементов чешского обиходного языка и литературного языка, а также физиологические проблемы с речью. Однако политик весьма успешно превращает эти недостатки в свои достоинства.

Особое место в политических речах занимает риторика ностальгии [1, 4]. Политики так или иначе сравнивают существующее положение дел в стране с тем, что было в прошлом, но с разными векторами оценки. Латвийские политики, особенно Иварс Годманис, оценивают прошлое Латвии негативно, считают, что хуже, чем было, уже быть не может. Чешские политики, наоборот, считают этап создания чешской государственности при руководстве Т. Г. Масариком золотым периодом в истории своей страны. Некоторые политики (например, К. Шварценберг) золотым периодом называют также то время, когда страной управлял Вацлав Гавел.

Список литературы

1. **Boym, S. The Future of Nostalgia** [текст]: монография. – New York: Basic books, 2001. - 432 с.
2. **Kraus, J. Rītorika а шеиовб kultura** [текст]: монография. – Praha : Karolinum, 2004. - 192 с.
3. **Лассан, Э. Р. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ** [текст]: монография. – Издательство Вильнюсского университета, 1995. - 232 с.
4. **Лассан, Э. Р. О некоторых явлениях в современной российской риторике публичной коммуникации (риторика ностальгии как результат диалога с прошлым)** [текст] // *Respectus Philologicus*. – Vilnius: Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2010. Nr. 18 (23). P. 100-110.